

*Отклики на Крымскую кампанию в поэзии Некрасова.
Поэма «Тишина». Образ народа-героя. Реформистские
иллюзии и их преодоление*

Пребывание Некрасова за границей продолжалось около года: от 11 августа 1856 года по 28 июня 1857 года. Оно принесло свою долю пользы, ибо болезнь поэта поддалась усилиям врачей, и здоровье его восстановилось. Но, вообще говоря, как раз к пребыванию Некрасова за границей относятся и ряд тягостных впечатлений. Сюда, прежде всего, следует отнести волнения, вызванные цензурной бурей, налетевшей на «Современник» после того, как Чернышевский перепечатал в нем три наиболее острых в социальном отношении стихотворения из только что вышедшего сборника. Выше было отмечено, что под влиянием этих волнений Некрасов вынужден был «скомкать» поэму «Несчастные», над которой работал с исключительным творческим подъемом. «Комкать» любимую работу, отрываться от нее, когда она развивается успешно, — для автора всегда трудно, а для такого автора, как Некрасов, мучительно трудно. К этому огорчению творческого порядка присоединились тягчайшие огорчения личного характера. 1856—1857 годы — это годы кризиса в отношениях Некрасова с его гражданской женой А. Я. Панаевой. Эти отношения все менее и менее удовлетворяли Некрасова, но разорвать с Панаевой у него не хватало решимости.

Наконец, во время пребывания за границей Некрасову пришлось пережить невыразимо тягостный конфликт с Герценом.

Конфликт этот возник на личной почве. Неправильно информированный о роли Некрасова в так называемом «огаревском деле», Герцен отказался принять Некрасова, когда тот, желая разъяснить Герцену истинное положение вещей,

приезжал в Лондон, чтобы побеседовать с Герценом.¹ После отказа Герцена принять Некрасова между ними возникла переписка, причем письма Герцена Некрасов не мог не воспринимать как крайне оскорбительные. Давняя дружба Некрасова с Тургеневым также, повидимому, дала трещину.

Эти краткие биографические ссылки понадобились нам, чтобы выяснить, в каком настроении возвращался Некрасов в середине 1857 года на родину. Он возвращался подавленным и мрачным, но, как только переступил родной рубеж, его настроение резко изменилось. Дыхание беззаветно любимой родины открыло доступ в его душу иным переживаниям. А вместе с тем его мысли не могли не сосредоточиться на вопросах, теснейшим образом связанных с настоящим родного народа, с его недавним прошлым и с его грядущими судьбами. Вот на какой общественно-психологической почве возникло одно из вдохновеннейших созданий Некрасова — его поэма «Тишина», которая появилась на страницах «Современника» осенью (1857 года), т. е. за несколько месяцев до напечатания ранее оконченной поэмы «Несчастные».

Первый вопрос, возникающий при анализе поэмы «Тишина», — это вопрос о том, почему Некрасов назвал ее так, а не иначе. На этот вопрос отвечают нижеследующие стихи из третьей главы поэмы, завершающие описание разрушенного Севастополя:

... Люди в той стране
Еще не верят тишине,²
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всюю Русью тишина,³
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

Таким образом, слово «тишина» употребляется поэтом и в значении «мир»⁴ и в значении той «тишины», которая пред-

¹ «Огаревское дело» — это дело о суммах, которые были взысканы с Н. П. Огарева в пользу его жены М. Л. Огаревой. Так как последняя жила за границей, то она доверила ведение «дела» А. Я. Панаевой.

² Курсив наш, — В. Е.-М.

³ Курсив наш, — В. Е.-М.

⁴ В таком же точно смысле употребляет это слово М. В. Ломоносов в знаменитой оде «На восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны».

шествует не сну, а пробуждению, пробуждению в социальном смысле, той «тишины», которая помогает осознать, в чем «правда», и сопровождается глубоким раздумьем перед началом созидательной работы.

Итак, заглавием своей поэмы Некрасов хотел подчеркнуть, что он намерен дать в ней отклик и на начало мирного времени и на наступление каких-то новых времен в русской жизни. Соответственно с этим замыслом поэма делится на четыре главы.

В первой из них поэт (иначе говоря, лирический герой) говорит об одушевляющих его чувствах любви к родине, к родной природе, к родному народу.

Во второй родина изображается в годы Крымской войны, т. е. борющейся с иноземным врагом.

В третьей главе речь идет опять-таки о родине и природе, но уже после окончания войны, причем особое внимание уделяется описанию полуразрушенного Севастополя.

В четвертой главе поэт возвращается к непосредственным впечатлениям от наблюдений над родной природой, от общения с родным народом.

Этой краткой схемы, имевшей целью прояснение как тематики, так и композиции «Тишины», все же достаточно для вывода, что основной темой данной поэмы является изображение чувств и настроений поэта, рожденных мыслями о родине, родной природе, родном народе. Так как понятие «родина», отличающееся наибольшей широтой, включает в себе и понятие «природа» и понятие «народ», то не будет ошибкой сказать, что «Тишина» это поэма о родине, о России, о народе, поэма, навеянная теми событиями, которые имели место в период с 1853 по 1856 год, т. е. прежде всего Крымской войной и ее окончанием, с другой стороны, если подходить к вопросу со стороны личной, — возвращением Некрасова из-за границы. Никогда ни до того, ни после не говорил Некрасов о родине, о своем отношении к ней более проникновенно, более задушевно, с большим лирическим подъемом, с большим художественным мастерством, чем в «Тишине». Можно с уверенностью сказать, что «Тишина» принадлежит к числу наиболее замечательных и значительных его произведений. Это создает необходимость подойти к ней с особым вниманием.

Первая глава ее привела в восторг Л. Н. Толстого,¹ назвавшего ее не только «превосходной», но и «чудесным само-

¹ В дореволюционной критике, в целях развенчания Некрасова, нередко ссылались на отрицательные отзывы Толстого об его стихах, например в предисловии к роману фон-Поленца «Крестьянин». Однако, как

родком» (см. письмо Толстого к Некрасову от 11 октября 1857 года).

Что пленило Толстого в этой главе? Прежде всего и более всего, конечно, то бурное, исключительное по силе и глубине чувство патриотизма, которое ее переполняет.* Если бы Некрасов, незадолго до смерти назвавший свою любовь к родине и народу «необъятно безмерной» (в стихотворении 1876 года «Угомонись, моя муза задорная»), пожелал бы сослаться, в подтверждение, на свои стихотворения, то ему пришлось бы в числе первых указать «Тишину». Веяние этой «необъятно безмерной» любви не мог не ощутить такой пламенный патриот, как Л. Н. Толстой, и это определило его отношение к первой главе «Тишины». С другой стороны, это отношение не могло не зависеть от высоких художественных достоинств «Тишины», которые, разумеется, учитывались таким неподражаемым мастером русского художественного слова, как Толстой.

Высоко патриотическое содержание «Тишины» определило и трактовку затрагиваемой в начале ее проблемы «Россия и Запад». Конечно, эта проблема не может трактоваться в столь насыщенном лиризмом стихотворении иначе, как в сугубо субъективном плане, но этот план не препятствует некоторым выводам общего характера. Поэт должен признать, что вдали от родины ему не удастся найти «примиренья с горем», он «хандрит», «немеет», у него не только не хватает сил «одолеть свою судьбу», но он «погнулся перед нею». Тем не менее его творческая мысль, попрежнему, прикована к родине:

Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!¹

Поскольку Некрасов заговорил о своих «песнях родине», постановка вопроса о «России и Западе» уже теряет узко субъективный, узко личный характер, ибо некрасовские «песни родине» не только явление личного порядка, но и факт большого общественного значения. Нельзя, думается, видеть отражение только личных переживаний и в знаменитом четверостишии:

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

о том свидетельствует оценка Толстым первой главы «Тишины», его отрицательным отзывам должны быть противопоставлены положительные.

¹ «Песни родине», это, без сомнения, поэма «Несчастные», написанная за границей.

М. Е. Салтыков-Щедрин в том же 1857 году вводит в текст «Губернских очерков» свое искреннее и патетическое признание: «Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Бразилию, окружите какую хотите роскошно природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо, я все-таки везде найду милые мне серенькие тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в моем сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее свое достояние».¹

Это чувство глубокой органической любви к родине было в высокой степени присуще представителям русской революционно-демократической литературы.

В первой главе «Тишины» обращает на себя внимание образ сельского храма, введенный поэтом с определенной целью. Он нужен ему как символ неизбежного народного горя. Вот почему он назван «храмом воздыхания», «храмом печали», вот почему о нем сказано, что под его сводами раздаются «стоны», «тяжеле» которых «не слышали ни римский Петр, ни Колизей».

Исполненные высокого лиризма строки

Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —

было бы ошибочно толковать в религиозно-мистическом плане. Нет, их назначение — только в том, чтобы подчеркнуть силу и глубину народных страданий.

Во второй главе «Тишины» наиболее удалось поэту описание того патриотического подъема, который охватил Русь в дни Крымской войны:

Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала...

Описывая этот патриотический подъем, Некрасов руководствовался не только тем, что так недавно наблюдал вокруг себя, но и своими личными, субъективными настроениями. Не забудем, что еще в 1854 году Некрасов написал высоко патриотическое стихотворение «14 июня 1854 года» на появление неприятельского флота перед Кронштадтом. Несколько позже, когда внимание всего мира было приковано к титанической борьбе, происходившей под стенами осажденного Севастополя, Некрасов писал Тургеневу: «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно, —

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. II, 1933, стр. 165.

боюсь, не поздно ли будет?» (т. X, стр. 222). Опасения Некрасова оправдались: ехать в Севастополь было уже «поздно», ибо вскоре русским войскам пришлось оставить Севастополь. На падение Севастополя Некрасов предполагал откликнуться в особом стихотворении, о чем можно судить по сохранившемуся замечательному наброску:

О, не склоняй победной головы
 В унынии, разумный сын отчизны.
 Не говори: погибли мы, увь! —
 Бесплодна грусть, напрасны укоризны.

Этот набросок драгоценен, так как позволяет утверждать, что Некрасов реагировал на падение Севастополя именно как патриот, но патриот, сразу сумевший подчинить чувство жгучей скорби «разумной» оценке совершившегося с точки зрения интересов «отчизны». А «разумная» оценка действительности, прежде всего, приводила к преодолению чувства «уныния».

В третьей главе «Тишины» отражено с необычайной яркостью и силой убеждение Некрасова в том, что среди героев только что закончившейся войны первое место принадлежит народу:

Народ-герой! в борьбе суровой
 Ты не шатнулся до конца,
 Светлее твой венец терновый
 Победоносного венца!

Некрасов превосходно знал, что Крымская война выдвинула немалое количество героев — и героев подлинных — из рядов русской армии. Имена Нахимова, Корнилова, Тотлебена и других были ему, без сомнения, хорошо известны. Однако поэма «Тишина», — в этом, между прочим, коренное и принципиальное ее отличие от поэмы «Несчастные», — была задумана так, что в ней основную роль играли не индивидуальные образы, а образы чрезвычайно широкого социального охвата: «Родина», «Русь», «Народ», «Севастополь» и т. д. Среди этих образов трудно было найти соответствующее место образам индивидуальным, хотя бы и образам героических защитников Севастополя. Выделяя народ, только за народом закрепляя имя героя, Некрасов лишний раз подчеркивал свой демократизм. Проявленное в «Тишине» отношение поэта к народу нельзя не связать со столь характерными для него поисками «положительного героя». Если в ранних его поэмах («Саша», «Белинский», «Несчастные») он в качестве положительного героя изображал индивидуальные личности, то в «Тишине» функцию положительного героя он закрепляет за коллектив-

ным образом, ибо образ народа в данной поэме, конечно, коллективный образ.

Ставка на образы широчайшего социального охвата, на образы, поистине грандиозные, не могла не отразиться на стиле поэмы, в частности не могла не натолкнуть автора на широкое применение гипербол, которое неоднократно останавливало на себе недружелюбное внимание некоторых критиков.

Изображая «русский путь, знакомый путь» в дни Крымской войны, поэт с горечью констатирует:

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.

Бомбардировка Севастополя описывается так:

... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!

Разрушение «русской твердыни» в результате многомесячной осады представлено в следующей картине:

В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, замостили
Ее свинцом и чугуном.

О «черноморской волне» было сказано:

И черноморская волна
Еще густа, еще красна¹
Уныло в берег славы плещет.

Приведенных примеров с избытком достаточно для вывода, что, во-первых, некрасовские гиперболы в «Тишине» вполне гармонируют с грандиозностью образов и, усиливая производимое ими впечатление, способствуют восприятию поэмы в том именно духе, в каком хотелось поэту, и что, во-вторых, с помощью этих гипербол Некрасов стремился подчеркнуть и выделить те именно стороны реальной действительности, которые считал желательным подчеркнуть и выделить.

«Пыль», «прибитая к земле слезами рекрутских жен и матерей», это, конечно, гипербола, но гипербола, насыщенная

¹ Этот стих цитируется по одному из вариантов.

большим социальным содержанием. Поэт прибегает к ней, чтобы внедрить в сознание читателя мысль, что действительные страдания, причиняемые народу войной, поистине безграничны.

В гиперболах стихов, изображающих бомбардировку Севастополя и разрушенную русскую твердыню, в некрасовское время реальная основа ощущалась достаточно явственно. В наши дни, когда у всех в памяти события Великой Отечественной войны, эти гиперболы уже не воспринимаются как гиперболы, ибо масштабы бомбардировок, масштабы причиненных войной разрушений в такой мере переросли масштабы происходившего во время Крымской кампании, что реальная действительность догнала, если не перегнала творческое воображение автора.

Вслед за третьей главой в журнальном тексте поэмы шла четвертая глава, представлявшая, безусловно, «неверный звук» некрасовской лиры. В ней нашли отражение те либеральные иллюзии, которым поддались в рассматриваемое время даже люди очень очень передового образа мыслей. Эти иллюзии базировались на глубоко ошибочном убеждении, что с окончанием Крымской войны наступает «новая эра», которая принесет России ряд благоприятных перемен в различных областях социальной жизни. Надежды на это не оправдались, но эти неоправдавшиеся надежды должны рассматриваться именно как ошибка, но никоим образом не как отступничество. И тем не менее совершенно ясно, что рассматриваемая глава, а в особенности ее заключительные строки о «заступнике и главе народном»,

Пред коим частные труды —
Как мелководные пруды
Перед Невую многоводной...

резко диссонировали с основным тоном поэзии Некрасова. И поэт был тысячу раз прав, изъяв ее из текста всех отдельных изданий своих произведений. А потому четвертая глава, известная только по журнальному тексту, как бы перестала существовать.

Четвертой главой по тексту отдельных изданий стихотворений Некрасова является совершенно другая глава. Она начинается стихотворной строкой:

А тройка всё летит стрелой.

Введение образа тройки тем более уместно, что поэма представляет собой не что иное, как размышления лирического героя, «едущего в родную глушь».

Чудесен образ тройки, созданный творческой кистью Гоголя, этого величайшего мастера русского художественного слова и в то же время величайшего патриота земли русской.

Тем больше для Некрасова чести, что, заговорив о «русском пути, знакомом пути», о летящей по этому пути «тройке», он не подчинился обаянию бессмертных строк Гоголя, а нашел свои собственные слова, свою собственную интонацию.

Думы и чувства Гоголя и Некрасова, принадлежавших к различным эпохам, придерживавшихся различных общественных ориентаций, во многом не совпадали, не могли совпасть. Правда, писателей объединяет страстное стремление, чтобы «Русь» шла вперед, символом чего и является образ летящей тройки. Но у Гоголя этот образ подан в возвышенно-патетическом плане; Некрасов же, заговорив о «тройке», тотчас дает ряд глубоко реалистических картин родной природы, которыми не устает любоваться. Вспомним, например, хотя бы следующие строки:

... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемной,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усеянный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.

Далее поэт переходит, опять-таки к глубоко реалистическому, показу родного народа.

Для Некрасова «Русь» менее всего отвлеченное понятие. «Русь», по Некрасову, — это прежде всего родной народ, родная природа.

Родной природой Некрасова, как только что было сказано, не устает любоваться, и это любованье является органическим чувством.

О родном народе, о взаимоотношениях народа и интеллигенции поэт думает постоянно, углубленно, и эти думы нашли отражение в заключительных стихах «Тишины»:

Скорей туда — в родную глушь!
 Там можно жить, не обижая
 Ни божьих, ни ревижских душ
 И труд любимый довершая.
 Там стыдно будет унывать
 И предаваться грусти праздной,
 Где пахарь любит сокращать
 Напевом труд однообразный.
 Его ли горе не скребет? —
 Он бодр, он за сохой шагает.
 Без наслажденья он живет,
 Без сожаленья умирает.

Вчитываясь внимательно в этот замечательный отрывок, нельзя не прийти к заключению, что хотя народ представлен в нем страдающим («Его ли горе не скребет?»), но в то же время бодро несущим свое трудовое бремя («Он бодр, он за сохой шагает»). Наблюдая народ и его жизнь, русскому интеллигенту «стыдно унывать», тем более стыдно «предаваться грусти праздной».

Его примером укрепись,
 Сломившийся под игом горя!
 За личным счастьем не гонись
 И богу уступай — не споря...

— вот концовка «Тишины», в которой первые три строчки вполне гармонируют с общим направлением демократической поэзии Некрасова, а последняя требует специального разъяснения.

В самом деле, призыв укрепиться примером великого страстотерпца и великого трудолюбца народа, разделить с ним его тяжелую участь, еще в 1848 году прозвучавший со страниц романа «Три страны света»,¹ составляет одну из отличительных черт общественного мировоззрения Некрасова.

Призыв не гнаться за личным счастьем органически вытекает из всего содержания народолюбивой поэзии Некрасова.

Что же касается формулы: «богу уступай — не споря» — то она противоречит в самом существе своем направлению поэтической пропаганды Некрасова, ибо в основе такой формулы лежат и общественный квиетизм, и примиренческое отношение к окружающей действительности.

Чем же тогда объяснить ее появление?

Возможны два объяснения: это — или преднамеренная уступка цензуре, или же одно из тех колебаний Некрасова

¹ См.: В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II, стр. 148—149.

в сторону либерализма, о которых говорит В. И. Ленин в своей известной статье «Еще один поход на демократию».

В тексте «Тишины» есть, как отмечалось выше, и другие «неверные звуки» Некрасова. Закрывать на это глаза никоим образом не следует. Но не они определяют великие достоинства данной поэмы, которая в основе своей проникнута демократическими тенденциями и по своей насыщенности патриотическими настроениями, по художественности их выражения занимает одно из первых мест в великой русской литературе.

